

Л. В. Луховицкий

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И ЧУДЕСНОЕ В ЖИТИИ АНТОНИЯ КАВЛЕЯ НИКИФОРА ГРИГОРЫ

Аннотация: В 1340-е гг. Никифор Григора создал Житие патриарха Константинопольского Антония II Кавлея (*BHG* 139b), опираясь на Житие с похвалой Никифора Философа X в. (*BHG* 139). Перерабатывая свой источник, Григора в биографической части Жития последовательно избавлялся от элементов, привносящих в историю Антония измерение чудесного. В свою очередь, элементами, приобретенными в процессе метафразирования, стали, во-первых, наукообразные отступления повествователя об универсальных законах человеческого общения и мышления, а во-вторых, попытки непосредственно передать эмоции героя. В результате образ святого в новой редакции Жития становился более объемным и одновременно более близким читателю.

Ключевые слова: Никифор Григора, Антоний Кавлей, агиография, метафразирование, эпоха Палеологов, Константинопольский патриархат, топосы

Византийская эпоха знала несколько периодов, когда фокус внимания писателей-агиографов смещался с прославления святых недавнего прошлого на актуализацию памяти о святых прежних времен. Самый известный из этих периодов связан с фигурой Симеона Метафраста. Благодаря фундаментальному исследованию А. Эрхарда¹ и монографии К. Хёгеля² о работе трудившейся под его началом комиссии по унификации житийной литературы известно уже очень много. Мы не только знаем, какие стилистические критерии использовал Симеон при переработке оригинальных текстов, но также представляем себе, какие задачи ставила перед собой его команда, в какой последовательности шла работа, на каком этапе она прервалась, в какой момент Минологий Симеона

¹ Ehrhard A. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts. Leipzig, 1938. 1. Teil: Die Überlieferung. Bd. 2. S. 306–709.

² Høgel Ch. Symeon Metaphrastes: Rewriting and Canonization. Copenhagen, 2002.

завоевал популярность³, и даже можем строить предположения о том, кто входил в команду Симеона⁴.

Иная картина складывается, если мы обращаемся к агиографическим сочинениям о святых прежних времен, созданным в эпоху ранних Палеологов⁵. Общий объем произведений Константина Акрополита, Григория Кипрского, Иоанна Ставракия, Феодоры Раулены и Никифора Григоры может составить конкуренцию корпусу Симеона Метафраста. Однако значительная часть их сочинений остается неизданной (особенно плачевна ситуация с наследием Константина Акрополита⁶), а опубликованные – плохо изучены. В отличие от ситуации с комиссией Симеона Метафраста, в случае агиографов эпохи Палеологов мы не можем говорить о какой-то единой программе, заказе со стороны патриархата или императорской власти. Как правило, сведения о том, зачем агиограф создает то или иное сочинение, черпаются из эксплицитных указаний в прологе или эпилоге жития или же в переписке, оставленной автором⁷. Агиографические произведения создавались по частной инициативе по причинам, которые иногда лежат на поверхности (жития и энкомии писали как дружеский дар, для прославления того или иного монастыря, в память о собственном религиозном опыте, а иногда – как в случае

³ *Høgel Ch.* Hagiography under the Macedonians: the two Recensions of the Metaphrastic Menologion // *Byzantium in the Year 1000* / ed. P. Magdalino. Leiden; Boston, 2003. P. 217–232.

⁴ *Høgel Ch.* The common narrative universe of the Metaphrastic Menologion and the story of Barlaam and Ioasaph // *Proceeding of the 23rd International congress of Byzantine studies, Belgrade, 22-27 August 2016: Round Table “Byzantium – a narrative in constant change”* / ed. by St. Bojanin. Belgrade, 2016. P. 19–22.

⁵ *Hinterberger M.* Hagiographische Metaphrasen: Ein möglicher Weg der Annäherung an die Literarästhetik der frühen Palaiologenzeit // *Imitatio – aemulatio – variatio: Akten des internationalen wissenschaftlichen Symposions zur byzantinischen Sprache und Literatur (Wien, 22. – 25. Oktober 2008)* / hrsg. von A. Rhoby, E. Schiffer. Wien, 2010. S. 137–151; *Talbot A.-M.* Hagiography in Late Byzantium (1204–1453) // *Ashgate research companion to Byzantine hagiography* / ed. S. Efthymiadis. Farnham, 2011. Vol. 1: Periods and Places. P. 173–195.

⁶ *Ivanov S. A.* L'âge d'or d'hagiographie Byzantine: Introduction // *Proceedings of the 23rd International congress of Byzantine studies, Belgrade, 22-27 August, 2016: Plenary papers* / ed. S. Marjanović-Dušanić. Belgrade, 2016. P. 1–11; оcoб.: P. 4–5.

⁷ *Hinterberger M.* The Byzantine hagiographer and his text // *Ashgate research companion to Byzantine hagiography* / ed. S. Efthymiadis. Farnham; Burlington, 2014. Vol. 2: Genres and Contexts. P. 211–246; оcoб.: P. 232.

с Феодорой Рауленой – и как политическое высказывание⁸), а подчас совершенно неизвестны. То, как и зачем пишет Иоанн Ставракий, совсем не похоже на то, как и зачем пишет его младший современник Константин Акрополит, хотя они и прославляют одну и ту же святую⁹.

Выявление непосредственных стимулов, побудивших того или иного писателя в том или ином случае взяться за жизнеописание святого, жившего за много столетий до его рождения, приносит свои плоды. Но не менее важно осмыслить на культурном уровне явление в целом: что заставило столь разных писателей начать практически одновременно рассказывать старые истории на новый лад? Для этого, на наш взгляд, нужно, прежде всего, проследить, как менялась под пером агиографов эпохи фигура того, кто, в конечном счете, стоит в центре любого агиографического произведения, – святого, вокруг которого строится повествование.

Настоящая заметка не претендует на полноценное рассмотрение этого вопроса. Она родилась как попытка разрешить противоречие, с которым мы столкнулись, но которое не смогли полностью осмыслить, изучая Житие Михаила Синкелла (*BHG* 1297) поздневизантийского историка, агиографа и богослова Никифора Григоры¹⁰. Перерабатывая исходную версию Жития Михаила (*BHG* 1296), Григора использовал прием, который мы условно назвали «психологизацией»¹¹. Он заключается в том, что по сравнению со своим источником Григора уделяет особое внимание внутреннему миру героев (как святого, так и его антагонистов). Он опускает несущественные фактические подробности и второстепенные сюжетные линии, но при этом заменяет пространные монологи живыми диалогами, ярко описывает эмоции героев и рассуждает о закономерностях взаимоотношений между людьми, делая, к примеру, замечания о том, что значит потерять друга и что человек чувствует, когда не может выплакать свое горе. На первый взгляд, все эти техники

⁸ *Talbot A.-M.* Old wine in new bottles: the rewriting of Saints' Lives in the Palaeologan period // *The twilight of Byzantium: aspects of cultural and religious history in the late Byzantine empire: Papers from the colloquium held at Princeton University 8-9 May 1989* / ed. by S. Ćurčić, D. Mouriki. Princeton, 1991. P. 15–26.

⁹ *Kotzabassi S.* Das hagiographische Dossier der heiligen Theodosia von Konstantinopel: Einleitung, Edition, Kommentar. Berlin; New York, 2009.

¹⁰ PLP, Nr. 4443; *Beyer H.-V.* Eine Chronologie der Lebensgeschichte des Nikephoros Gregoras // *JÖB.* 1978. Bd. 27. S. 127–155.

¹¹ *Lukhovitskiy L.* Nikephoros Gregoras' Vita of St. Michael the Synkellos: Rewriting Techniques and Reconstruction of the Iconoclast Past in a 14th cent. Hagiographical Metaphrasis // *JÖB.* 2014. Bd. 64. S. 177–196.

имеют одну цель – как можно более наглядно представить внутренний мир героев. Однако это впечатление обманчиво: в действительности Григора одновременно и *описывает*, и *анализирует* эмоции своих героев. Бессистемное чередование описательных и аналитических – едва ли не анатомизирующих – пассажей производит странный эффект с точки зрения темпа повествования: складывается впечатление, что часть наблюдений Григоры над внутренним миром героев ускоряют, а часть, напротив, замедляют этот темп. Читатель то оказывается внутри головы героя и смотрит на происходящее его глазами, вовлекаясь в события, то отстраняется и наблюдает со стороны за тем, как рассказчик препарировует эмоции героя.

Чтобы разобраться, зачем Григора использует эти техники одновременно, мы предлагаем взглянуть на другие агиографические сочинения Григоры, обращая особое внимание на то, что заменяют подобные «психологизирующие» пассажи обоих типов в исходных текстах.

В обширном агиографическом наследии Григоры¹² есть два произведения, максимально близкие к Житию Михаила Синкелла. Это Житие императрицы Феофано (*BHG* 1795)¹³ и Житие патриарха Антония II Кавлея (*BHG* 139b)¹⁴. Во-первых, оба текста, как и Житие Михаила, повествуют о далеком прошлом, а именно о IX в., то есть герои отделены от автора переложения промежутком более чем в четыре столетия. Во-вторых, оба текста, как и Житие Михаила, основаны на одном сохранившемся и опубликованном источнике (*BHG* 1794¹⁵ и *BHG* 139¹⁶ соответственно), который создан вскоре после кончины святого. В то же время, эти источники имеют одно существенное различие: если в случае Жития Феофано Григора перелагал пространное житие как пространное житие¹⁷, то в ситуации с Антонием Кавлеем он превращал риторизован-

¹² Новейший обзор см. в: *Παρασκευοπόβλου Η. Το αγιολογικό και ομιλητικό έργο του Νικηφόρου Γρηγορά. Θεσσαλονίκη, 2013.*

¹³ *Kurtz E. Zwei Griechische Texte über die Heilige Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI // Записки Императорской академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1898. Т. 3. № 2. С. 25–45.*

¹⁴ *Leone P. L. M. La Vita Antonii Cauleae di Niceforo Gregora // Nicolaus: rivista di teologia ecumenico-patristica. Bari, 1983. Vol. 11. P. 3–50.*

¹⁵ *Kurtz E. Zwei Griechische Texte... С. 1–24.*

¹⁶ *Leone P. L. M. L'Encomium in patriarcham Antonium II Cauleam del filosofo e retore Niceforo // Orpheus: rivista di umanità classica e cristiana. Catania, 1989. Vol. 10. No. 2. P. 404–429.*

¹⁷ Формально в надписании *BHG* 1795 стоит слово «Λόγος» («Речь»), однако в действительности сочинение Григоры представляет собой не энкомий, ли-

ное «Житие с похвалой» (Βίος σὺν ἐγκωμίῳ συμπλεγείς) в классическое пространное житие. Таким образом, создавая Житие Антония, Григора шел против основного течения в агиографии Палеологовской эпохи, которое предполагало движение в противоположном направлении – от житий к энкомиям. Житие-источник, которое перерабатывал Григора, было создано искусственным в риторике писателем, который украсил свое сочинение вопросами-обращениями к читателю, развернутыми метафорами, отступлениями, сложными сравнениями, игрой слов и отсылками к античной культуре. Если в случае с Житием Михаила и Житием Феодано Григоре, чтобы соответствовать вкусу эпохи, требовалось сделать свое повествование более риторичным, то здесь он был вынужден поступать ровно наоборот. Он достраивал пропущенные логические звенья, добавлял пояснения исторического характера и опускал рассказы о чудесах и развернутые сравнения с персонажами священной истории.

Из двух подходящих для сравнения памятников мы остановимся на Житии Антония Кавлея как на менее изученном¹⁸ и вместе с тем – более интересном с точки зрения техники метафразирования.

Напомним, что Антоний Кавлей родился в пригородах Константинополя, рано принял монашеский постриг, затем стал игуменом некоего столичного монастыря. Пользуясь покровительством Льва VI, Антоний возшел на патриарший престол в августе 893 г., сменив на нем брата императора – Стефана. Отношения императора с Антонием осложнились, когда патриарх изверг из сана священника, венчавшего Льва вторым браком с Зоей Заутцей. При Антонии в 899 г. состоялось окончательное примирение внутрицерковных партий игнатиан и фотиан¹⁹.

шенный фактических деталей, а последовательное изложение жизни святой от рождения до смерти. О классификации житийный жанров см.: *Hinterberger M. Byzantine hagiography and its literary genres: some critical observations // Ashgate research companion to Byzantine hagiography. Vol. 2. P. 25–60.*

¹⁸ *Hinterberger M. Les Vies des Saints du XIVe siècle en tant que biographie historique: l'œuvre de Nicéphore Grégoras // Les Vies des Saints à Byzance: genre littéraire ou biographie historique? Actes du IIe colloque international philologique «Ερμηνεία», Paris, 6–8 juin 2002 / éd. P. Odorico, P. A. Agapitos. Paris, 2004. P. 281–301; оcoб.: P. 283–295.*

¹⁹ *Les registes des actes du Patriarcat de Constantinople / éd. par V. Grumel; 2e éd. rév. et corr. par J. Darrouzès. Paris, 1989. Vol. 1: Les actes des Patriarches. Fasc. 2–3: Les registes de 715 à 1206. P. 172–173, No. 596.*

Скончался Антоний 12 февраля 901 г.²⁰ В неагиографических источниках Антоний чаще всего упоминается в связи с основанным им Кавлейским монастырем. По случаю освящения церкви этого монастыря составил гомилию сам Лев VI²¹. По всей видимости, братия этого монастыря, переживавшего в эпоху Палеологов новый расцвет, и побудила Григору составить новую редакцию Жития²². Однозначно датировать Житие Антония невозможно. По признанию самого Григоры, он создал его после Жития Феофано²³, но датировка этого источника, в свою очередь, также ненадежна и колеблется между 1341 и 1347 гг.²⁴

Сравнивая две редакции жития Антония Кавлея, взгляд историка без труда выхватывает различия, меняющие образ описываемой эпохи или же указывающие на то, что Григора обращался к дополнительным источникам. Все изменения и вставки такого рода (например, подробное изложение конфликта патриархов Фотия и Игнатия в гл. 11 или исторический экскурс во времена Льва V Армянина с рассказом о начале второго иконоборчества в гл. 3) перечислены в работе И. Параскевопулу²⁵ и мы не будем на них останавливаться. Чтобы выявить расхождения между редакциями, интересующие нас в данный момент, мы обратимся к наиболее топическим, шаблонным пассажам памятников, которые лишены сколько-либо существенной исторической информации.

Как правило, самыми стереотипными в агиографии оказываются главы, посвященные рождению и детству святого. В то же время, как мы могли убедиться на примере Жития Михаила Синкелла, именно этим главам уделяет самое пристальное внимание Григора. Сравнительное количественное соотношение исходного и метафразированного текста в эпизодах, повествующих о детстве героя и о его зрелости, неодинаково. В случае Михаила Синкелла границей оказывается начало его путешествия из Иерусалима в Константинополь, когда он впервые сталкивается с иконоборцами. События до отъезда святого изложены Григорой в два раза более подробно, чем в житии-источнике, в то время как последую-

²⁰ PmbZ 1. 1999. Bd. 1. S. 183, Nr. 564 (Αντώνιος Καυλέας); Cutler A., Talbot A. -M. Antony II Kauleas // Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A. Kazhdan. New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 125.

²¹ *Leonis VI Sapientis imperatoris byzantini Homiliae* / ed. Th. Antonopoulou. Turnhout, 2008. P. 422–429.

²² Hinterberger M. Les Vies des Saints du XIVe siècle... P. 295.

²³ Leone P. L. M. L'Encomium in patriarcham Antonium II Cauleam... P. 423–429.

²⁴ Παρασκεβοπούλου Η. Το αγιολογικό και ομιλητικό έργο... Σ. 60.

²⁵ Ibid. Σ. 51–61.

щие перипетии его жизни описаны почти в три раза более кратко²⁶. Сходную картину мы видим и в Житии Феофано. Здесь поворотным моментом становится гл. 7 текста-источника (гл. 12 в редакции Григоры), в которой святой исполняется 15 лет и она берет на себя ответственность за свою жизнь. Полноценное развитие сюжета, завязкой которого становится обручение героини с Львом VI, начинается именно после этой главы. Однако события до 15-летия героини вновь изложены у Григоры в 2 раза подробнее, чем в житии-источнике (287 против 116 строк печатного издания), в то время как ее дальнейшая история, напротив, занимает 635 строк в тексте-источнике и всего 388 в переложении Григоры. Как кажется, то, что предшествует истории святого как таковой, занимает Григору больше самой истории.

Помня об этой закономерности, мы выбрали соответствующие фрагменты из 2 редакций Жития Антония, посвященные детству святого. Для большей наглядности мы приведем их в греческом оригинале, а затем подробно проанализируем различия.

Житие-источник:

ἄρτι δὲ τοῦ ψελλίζειν ἀρξάμενος, γλυκὸ τοῖς γεννησαμένοις, θαῦμα παρείχετο· οὐ γὰρ ὑπολαβεῖν ἄλλο τι σχεδὸν παρείχε τῇ ψελλιζούσῃ γλώσσῃ, πλὴν ὅσα τῆς μυστικῆς ἡμῶν λατρείας τῇ εὐλήπτῳ τέως καὶ παιδὸς ἀπαλῇ φύσει δυνατὸν ἐντυποῦσθαι καὶ τῶν χειλέων προέρχεσθαι, καὶ τοῦτο τῇ κατὰ μικρὸν αὐξήσει τοῦ σώματος ἐπίδοσιν λαμβάνον, συναυξόμενον εἶχε τὸ θαῦμα καὶ πᾶς ὁρῶν προφήτης τοῦ μέλλοντος ἐχρημάτιζεν. εἰς δὲ πέμπτον ἀναβῆς χρόνον καὶ τοὺς τῶν γραμμάτων τύπους παρὰ τοῦ ἱεροῦ πνεύματος διδασκόμενος – οὐδὲ γὰρ εἰς παιδοτρίβου φοιτᾶν τοὺς τῶν παιδῶν ἐπιτωθασμοὺς καὶ τὴν ἄλλην μεираκιώδη τερθρείαν ἐκκλίνων ἠνέσχετο – τὰς ἱερολογίας ἀπάσας, ὅσα μάλιστα μὴ μυστηριαζόμενα τῇ τοῦ ἱεροτελεστοῦ φωνῇ εἰς τὴν ἀκοὴν ἐκπίπτει τῶν τελομένων, εὐφυῶς ἀποστοματίζων λοιπὸν καὶ τῶν πραγμάτων τὴν μίμησιν ὑπεκρίνετο, ἄρτον προτιθεὶς καὶ χειρίζων θυμιατήριον, ὥσπερ οὐκ ἀνεχομένης τῆς ἱερᾶς ψυχῆς μὴ καὶ ἐν τῷ ἀτελεῖ τῆς ἡλικίας ἐνεργεῖν τὰ θεῖα καὶ πρὸ καιροῦ τῆς ἀκριβείας τὰ τῆς ἀκριβείας προοιμιάζεσθαι. καὶ τοῦτ' ἦν ἀντὶ πάσης παιδείας τῷ ἱερῷ παιδί ἔργον καὶ σπουδάσμα, ὀλίγα μὲν τῇ μητρὶ συμπαρομαρτοῦντι, τὰ πολλὰ δὲ τούτοις κατ' ἰδίαν ἐνασχολούμενῳ. ἐπεὶ δὲ πρὸς τὴν μακαρίαν καὶ ἀγήρω μετέβη λῆξιν ἐκεῖνη, συνῆν τῷ πατρὶ τῶν ἱερῶν τέως ψαλμῶν τὴν μάθησιν ἐξασκούμενος. εὐκληρία δὲ φύσεως μεῖζω μὲν τὴν σύνεσιν τῆς ἡλικίας, ὠριμωτέραν δὲ τοῦ τῆς ἡλικίας χρόνου τὴν σωματικὴν ἐδίδου διάπλασιν

²⁶ *Lukhovitskiy L. Nikephoros Gregoras' Vita of St. Michael the Synkellos. P. 179.*

ὑποφαίνεσθαι, ποριωτέραν δὲ τοῦ καλοῦ τὴν γνώμην, ἢ ὅσον ἐκατέρῳ τούτων εἰκὸς τὸν χρόνον μετρεῖν²⁷.

Редакция Григоры:

ἀλλὰ τὸν πέμπτον ἤδη τῆς ἡλικίας ἀμείβοντα χρόνον τὰ στοιχειώδη καὶ πρῶτα τῶν ἱερῶν ὁ πατὴρ ἐκπαιδεύει γραμμάτων καὶ πρὸς τὰ κάλλιστα ῥυθμίζειν ἄρχεται τῶν ἠθῶν καὶ ἀποξέειν, εἴ τι φλοιῶδες εἶχεν ἢ φύσις, καὶ ἀποκόπτειν, εἴ τι ζιζανίου δίκην παραφυόμενον ἔβλεπε τοῖς τοῦ βρέφους ἤθεσιν, ἵνα μὴ, τῆς ‘ψυχῆς ἀπαλῆς’ τινος οὐσης ἔτι καὶ ῥᾶστα τυποῦσθαι καὶ μεταμορφοῦσθαι δυναμένης πρὸς τὰ ἔξωθεν εἰσιόντα θεάματα καὶ ἀκούσματα, κηλιδές τνες ἐμπαγῶσιν αὐτῇ ‘δευσοποιοί τε καὶ δυσέκνιπτοι’ καὶ θανάτου παντὸς πικρότερον τῷ παιδί τὸν ὄλεθρον ἐν αὐτῷ τῷ τῆς ἡλικίας ἔαρι προξενήσασσι. ταύτη καὶ σφοδρῶς ἀντείχετο τῆς ἐκείνου παιδείας καὶ πάντα ἐποίει, ὅποσα φέρει πρὸς τοῦτο, καὶ ναοῖς ἱεροῖς προσίων ἐπόμενον εἶχε τοῦτον καὶ τῶν ἀδομένων προθύμως ἀκούειν παρῆνει καὶ τούτοις ὅλον προσέχειν τὸν νοῦν· ὅθεν καὶ ἤκουε καὶ προσεῖχεν ὁ παῖς καὶ τῶν ἱερῶν ἁσμάτων ἓνια παρακατεῖχε τῇ μνήμῃ καὶ ἀπὸ στόματος ἦδε τρανῶς, καὶ ταῦτα τῆς γλώττης ἐνιαχοῦ παραποδιζομένης ἐπὶ τοῖς βρεφικοῖς ψελίσμασιν οὕτως αὐτοχάλκευτον εἶχε τὴν φύσιν περὶ τὰ κάλλιστα τῶν ἐπιτηδευμάτων ‘ἐκ πρώτης’, ὁ φασι, ‘γραμμῆς’ τῶν τῆς ἡλικίας βαθμῶν καὶ οὕτω γε τρόφιμον τῆς θείας φάνας γραφῆς ἐπλούτει τὴν γλῶτταν ἄνευ μαθήσεως. παιδιαῖς γὰρ καὶ ἀσχολαῖς, ὅσας ἐπιτηδεύει τὰ βρέφη καὶ οἶον μανικῶς ἐπικέχνηε τὸ τῆς γνώσεως ἀτελές, χρῆσθαι καὶ αὐτὸς ὁμοίως τοῖς ἡλιξι οὐκ ἠνείχετο οὔτε χερσὶν ἐργάζεσθαι οὔτε γλώττῃ προσφέρειν, ἀλλ’ ἠσχύνετο μάλα καὶ ἠρυθρία καὶ ἄλλων λεγόντων τε καὶ πραττόντων, ἕτερα δ’ ἐμμεῖτο σεμνότερά τε καὶ σφόδρα τῆς ἡλικίας πρεσβύτερα. τοῖς γὰρ ἱερεῦσι τὰς μυστικὰς θυσίας ἐπιτελοῦσι μετὰ πλείστης ἐνατενίζων τῆς συννοίας καὶ προθυμίας, τοιαῦτα ἅττα καὶ αὐτὸς ἀντὶ τῶν βρεφικῶν παιδιῶν ἐν τοῖς ἰδίοις ἐπετήδευεν οἴκοις καὶ ἦν τοιούτοις χαίρων ἔθεςιν εὐθὺς ἐξ ἀρχῆς καὶ παρὰ πάντων τὰ μέγιστα θαυμαζόμενος, ὅτι μεγάλην ἐν μικρᾷ τῇ ἡλικίᾳ τὴν φύσιν ἐκτίησεν καὶ αὐτοδίδακτον ἐς τὰ χρήσιμα καὶ πρεσβυτικαῖς ἀρμόττουσαν ἔξεσιν <...> Ἄρτι δὲ τὸ δωδέκατον τῆς ἡλικίας αὐτοῦ παραλλάττοντος ἔτος, ἡ μήτηρ τοῦ τῆδε μεθίσταται βίου· καὶ ἦν λοιπὸν ὑποτασσόμενος αὐτὸς τῷ πατρὶ καὶ ὑπ’ αὐτῷ μόνῳ καθηγεμόνι καὶ διδασκάλῳ τὰ ἐντελέστερα τῶν ἱερῶν λογίων τελούμενος²⁸.

Как мы видим, в основных моментах версии совпадают: святой в возрасте 5 лет лепечет богослужебные тексты и даже разыгрывает литургию дома, но воздерживается от обычных игр. Он избегает мальчишеской компании и поэтому не получает должного образования, но все равно в духовных материях далеко опережает своих сверстников.

²⁷ Leone P. L. M. L'Encomium in patriarcham Antonium II Cauleam... P. 69–89.

²⁸ Leone P. L. M. La Vita Antonii Cauleae di Niceforo Gregora... I. 132–169.

После смерти матери заботу о духовном воспитании сына берет на себя его отец.

В то же время, переписывая житие-источник, Григора опускает фактические детали, например, не уточняет, в чем именно заключалась ролевая игра мальчика.

Однако более существенно то, что Григора добавляет.

Первое важное изменение связано с хронологией событий: если в житии-источнике святой к 5 годам уже выучил наизусть «все богослужение» (τὰς ἱερολογίας ἀλάσας), за исключением лишь тех слов, что священник произносит в алтаре, то в изложении Григоры он только начинает «задерживать в памяти кое-что» (ἐνία παρακατεῖχε τῇ μνήμῃ) из службы. В этой трактовке не остается места чудесному – речь идет не более чем о редкой способности, а не о чуде.

Второе изменение связано с ролью отца в воспитании святого. В изложении Григоры, он «крепко берется за его воспитание» (σφοδρῶς ἀντεῖχετο τῆς ἐκείνου παιδείας) в уверенности, что без его присмотра «нежная душа» (ψυχῆς ἀλαλῆς) мальчика «легко запечатлеет в себе» (ῥᾶστα τυποῦσθαι καὶ μεταμορφοῦσθαι) губительные влияния внешнего мира. Более того, речь идет не только подверженности неокрепшей души ребенка внешним воздействиям, но и о несовершенстве самой природы будущего святого, которая нуждается в том, чтобы «вся ее кора была обтесана» (ἀποξέειν, εἴ τι φλοιδῶδες εἶχεν), а «всякий произросший на ней сорняк был вырезан» (ἀλοκόπτειν, εἴ τι ζιζανίου δίκην παραφύμενον).

Два этих изменения полностью переворачивают логику фрагмента. В повествовании не остается ничего собственно чудесного, вместо этого читатель редакции Григоры (вместе с отцом героя) видит удивительные задатки мальчика, но при этом осознает, что эти способности делают его тем более уязвимым, а его путь тем более опасным. Если герой жития-источника представлен достигшим совершенства уже на первых страницах, то в версии Григоры его образ показан в развитии. Он – будущий святой, не просто человек, встречающийся на своем пути с искушениями, а ребенок, который не мог бы справиться с ними без помощи отца.

Задача Григоры – показать, как его герой достигает совершенства и проходит путь самоочищения. Как мы видели, на первых порах он нуждается в проводнике, но уже очень скоро сам берет на себя ответственность за свою жизнь. Он «назначает себя судьей» (δικαστὴν <...> αὐτὸς ἑαυτὸν ἤδη χειροτονεῖ) всех явлений внешнего и внутреннего мира и, «самостоятельно выбирая то, что ему кажется полезным для духовного умозрения, минует то, что бесполезно в его выборе» (αὐτὸς ἐκλεξάμενος ὅποσα πρὸς πνευματικὴν θεωρίαν ἔδοξε χρῆσιμα παρέδραμεν ὅσα ἀνόνητα

πρὸς τὴν ἐκλογὴν)²⁹. Важность этого решения, однако, сводит на нет следующая ремарка, из которой следует, что, вопреки ожиданиям читателя, случай Антония вовсе не уникален: «Ведь он достиг того возраста, когда буйное движение помыслов уже сменяется твердостью, основательностью и прочностью, а разум становится разумным судьей, который способен разумно оценивать то, что видит и слышит» (ἐν τούτῳ γὰρ ἤδη τῆς ἡλικίας ἦν ἀναβεβηκῶς, ἐν ᾧ τὸ ἀστατοῦν καὶ φερόμενον τῶν λογισμῶν πῆξις ἦδη καὶ βάσιν λαμβάνει καὶ ἀσφαλῆ κρητῖδα καὶ τῶν πραγμάτων ἔμφρων διαλλακτῆς ἢ διάνοια γίνεται καὶ σὺν λόγῳ διαρεῖν τὰ φαινόμενά τε καὶ ἀκούόμενα³⁰ ἰκανῶς ἔχει)³¹. Иными словами, то, что происходит с Антонием, естественно – всякий юноша того возраста, в который входит святой, остепеняется и берет на себя ответственность за свои действия. Как кажется, Григора не может удержаться от того, чтобы сделать наукообразное замечание о человеческой природе (обратим на типичную форму ремарки с частицей γὰρ), пусть даже оно делает поступок святого менее значимым.

Чуть дальше Григора уточняет, что самостоятельный жизненный выбор и непрестанное саморазвитие – это обязанность не только святого, но и любого человека, каким его создал Бог: «Создатель всего Сам производит, скрепляет и поддерживает нашу телесную форму (τὴν μὲν τοῦ σώματος πλάσιν), но нечто более ценное, я имею в виду воспитание и преобразование души (τὴν τῆς ψυχῆς παιδαγωγίαν καὶ ἀναπλαστικὴν ἐνέργειαν), Он вверил нам». Поэтому никто не властен изменить свой облик и не может упрекнуть другого в телесном уродстве, не обратив свой упрек небесам. Но «именно нам поручено (ἐφ' ἡμῶν ἐστὶ) исцелять недуги души, очищать ее и смывать с нее пятна»³².

В Житии Антония Григора не идет дальше, но в Житии Феофано развивает свою мысль, утверждая, что из сказанного логически вытекает, что настоящей важностью обладает только первоначальная интенция (προαίρεσις) героя, а не ее реализация (πεπραγμένα), поэтому агиограф

²⁹ Leone P. L. M. La Vita Antonii Cauleae di Niceforo Gregora... I. 175–179. Сходная образность (разум – судья) используется Григорой и в Житии Михаила Синкелла. См.: Lukhovitskiy L. Nikephoros Gregoras' Vita of St. Michael the Synkellos. P. 182.

³⁰ Обратим внимание, как φαινόμενά τε καὶ ἀκούόμενα рифмуются с θεάματα καὶ ἀκούσματα внешнего мира, которые в приведенном выше фрагменте, повествующем о детстве святого, могли оставить след в податливой душе ребенка.

³¹ Leone P. L. M. La Vita Antonii Cauleae di Niceforo Gregora... I. 179–183.

³² Ibid. I. 238–248.

должен в первую очередь рассказывать о помыслах и намерениях, а не о том, что произошло, когда герой попытался их осуществить³³.

По мере развития сюжета модель повторяется: Григора рассказывает о святом как о человеке, терзаемом противоречиями и ведущем тяжелую внутреннюю борьбу, позволяя читателю эмоционально вовлечься в происходящее, но с завидной регулярностью перемежает эмоциональные пассажи теоретическими замечаниями о свойствах человеческой природы. Он отвлекается от основной линии, чтобы, ненавязчиво отсылая к Платоновской колеснице души (Phaedr. 246b), объяснить, почему страстные вождения славы, роскоши и любовных утех имеют один общий источник – «страстную часть души» (τὸ ἐπιθυμητικὸν τῆς ψυχῆς), хотя и проникают через разные «врата органов чувств» (πύλαι αἰσθητηρίων)³⁴. Всего лишь страницу спустя он подробно разбирает механику невольной влюбленности с первого взгляда, связанной со свойствами оставленного на свободе «претерпевающего ума» (παθητικὸς νοῦς) и способностью «запечатленного в картинах воображения» (φανταστικοῦς ἐναποτίθεσθαι πίναξι) облика возлюбленного разжигать страсть во влюбленном, пусть даже они виделись всего лишь один раз³⁵.

Еще более интересен эпизод искушения святого, не имеющий соответствий в житии-источнике, а значит, исключительно важный для Григоры³⁶. Суть искушения состояла в следующем: Антоний совершал на Пасху патриаршее богослужение, и как раз в тот момент, когда ему предстояло вознести бескровную жертву в алтаре, на него напал бес блуда и он, поддавшись ему, испытал сексуальное возбуждение (λογισμῶν πορνικῶν). Однако основное искушение было впереди, поскольку бес поставил святого в патовую ситуацию. Антоний оказался вынужден выбирать «одну из двух невиданных дерзостей» (δυοῖν θάτερον καινοτομούμενον): или «избегая позора перед людьми (ἀνθρωπίνην αἰσχύνην), предстать перед священным престолом с множеством помыслов и душой, целиком распалюемой вражеским огнем», или же «снять священные одеяния, уклониться от божественной службы и таким образом покрыть себя явным позором на глазах у почтенного всенародного собрания (ἐπὶ τοῦ σεμνοῦ καὶ πανδήμου θεάτρου)». Григора нагнетает ощущение безвыходности, повторяя, что времени решать у святого не было, в его распоряжении были считанные секунды: ἐν οὕτως ὀξεῖ καὶ βιαίῳ καιρῷ (l. 596–597) / ὡς δὲ ‘χρόνος’ παρήει

³³ Kurtz E. Zwei Griechische Texte... S. 26, Z. 23–27. Отмечено в: Hinterberger M. Les Vies des Saints... P. 285.

³⁴ Leone P. L. M. La Vita Antonii Cauleae di Niceforo Gregora... l. 254–262.

³⁵ Ibid. l. 281–292.

³⁶ Ibid. l. 572–624.

τῆς ὥρας μάλα ‘συχνὸς’ (l. 603) / οὕτω λίαν ὀξεῖ καὶ στενῶ σταδίῳ καὶ χρόνῳ (l. 614). Напряжение усиливается, когда Григора признает, что всякий в таком положении выбрал бы первый вариант, тем более, что епископы, ожидавшие Антония, потихоньку начинали роптать из-за промедления патриарха (l. 604–606). Кажется, что у героя нет выбора, и читатель может лишь надеяться, что святой предпочтет второй вариант первому, поставив под удар свою репутацию, но избежав святотатства. Но неожиданно герой меняет правила игры, делая не предусмотренный бесом выбор: он выходит и без смущения «ясным голосом объявляет присутствующим, что с ним творится» (ἐξαγγέλλει τρανῆ τῆ φωνῆ τοῖς λαροῦσι τὸ λάθος). Это смелое решение выворачивает театральную метафору предыдущих строк (ἐπὶ τοῦ σεμνοῦ καὶ πανδήμου θεάτρου) наизнанку: то, что должно было стать публичным унижением, оказывается триумфом, когда святой «представляет свою драму» (θεατρίζει τὸ δρᾶμα) собравшимся (l. 610).

Умение Григоры создать и сохранить напряжение проявляется в этой сцене со всей очевидностью. Тем более удивительно, что столь драматичный эпизод вводится наукообразным рассуждением о том, что человеческая природа едина, но телесные соки могут смешиваться в разных пропорциях и «более теплое от природы смешение соков» (θερμότεραν ἐκ φύσεως κρᾶσιν), каким обладал Антоний, способствует похотливым мыслям³⁷. Должен ли читатель вспомнить это замечание, читая последующий эпизод, и сделать вывод, что бес ополчился на Антония не за то, что тот был столпом благочестия, а лишь в силу некоей физиологической закономерности?

Григора вновь и вновь одновременно изображает и анализирует эмоции. Но где истоки подобного метода и зачем он нужен? Ответ на первый вопрос не может быть дан однозначно. Отступления, раскрывающие законы человеческой психики, в изобилии встречаются в эллинистическом романе. Они или помогают сохранить интригу, разрывая повествование в самом напряженном месте, или, наоборот, снижают накал и остужают читателя, слишком взволнованного драматичными – а нередко и кровавыми – подробностями приключений героев. Из античного романа эти отступления пришли и в роман агиографический (например, в Повесть об убиении монахов на горе Синай Псевдо-Нила)³⁸.

³⁷ Leone P. L. M. *La Vita Antonii Cauleae di Niceforo Gregora...* l. 529–532.

³⁸ *Caner D. F., Brock S., Price R. M., van Bladel K. History and Hagiography from the Late Antique Sinai: Including Translations of Pseudo-Nilus' Narrations, Ammonius' Report on the Slaughter of the Monks of Sinai and Rhaithou, and Anastasius of Sinai's Tales of the Sinai Fathers.* Liverpool, 2010. P. 77–78; *Messis Ch. Fiction and/or Novelization in Byzantine Hagiography // Ashgate research companion to*

Мы встречаем попытку углубиться во внутреннюю жизнь героев в корпусе Симеона Метафраста³⁹ и в сочинениях других средневизантийских метафрастов, Никифора Урана и Никиты Давида Пафлагона⁴⁰. Впрочем, тональность всех этих отступлений несколько иная, чем у Григоры: голос повествователя, отвлекающегося от основной линии рассказа, чтобы указать на универсальные правила, которым подчиняются человеческие ум и сердце, говорит с интонацией не ученого, а знатока человеческих душ. Заметим, что нередко этот повествователь сам является действующим лицом романа, и вес его утверждениям придает именно пережитый им опыт. У Григоры же мы слышим голос ученого, прекрасно владеющего техническими терминами античной науки, но по определению никак не вовлеченного в описываемые события.

Куда более важно, однако, по нашему мнению, посмотреть на то, какие элементы текста-источника в версии Григоры уступают место новым – пусть даже противоречащим друг другу – элементам. Во всех рассмотренных нами случаях – это нечто, привносящее в историю героя измерение чудесного, сверхъестественного⁴¹. Вне зависимости от того, как достигается подобный эффект, – непосредственным проникновением во внутренний мир героя или его холодным препарированием на глазах у читателя – все, что делает Григора, придает рассказанной им истории человеческое измерение. Иными словами, Григора как будто бы говорит своему читателю: да, наш герой святой; да, он жил 4 сотни лет назад; но, посмотрите, я могу, во-первых, *показать*, что он чувствовал то же, что чувствуете вы, а во-вторых, научно *доказать*, что эти чувства естественны для любого человека. Пусть даже мы не можем в полной мере проникнуться подобной эстетикой, вскрыть и оценить *προαίρεσις* Григоры нам по силам.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2016 г.

Byzantine hagiography. Vol. 2. P. 313–341; *Narro A.* The Influence of the Greek Novel on the Life and Miracles of Saint Thecla // *BZ.* 2016. Bd. 109(1). P. 73–96, особ. p. 80, 84.

³⁹ *Franco L.* A Study of the Metaphrastic Process: The Case of the Unpublished Passio of St. James (*BHG* 773), Passio of St. Plato (*BHG* 1551–1552), and Vita of St. Hilarion (*BHG* 755) by Symeon Metaphrastes. Diss. London, 2009. P. 207–211, 222

⁴⁰ *Krausmüller D.* Fainting Fits and their Causes: A Topos in Two Middle Byzantine Metaphraseis by Nicetas the Paphlagonian and Nicephorus Ouranos // *Gouden hoorn.* 2001–2202. Vol. 9. N 1. P. 4–12.

⁴¹ Подчеркнем, что речь идет только о биографической части Жития – раздел о посмертных чудесах в сочинении Григоры весьма подробен.

Луховицкий Лев Всеволодович

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Россия
Электронная почта:
lukhovitskiy@gmail.com

Lev Lukhovitskiy

Candidate of Philological Sciences,
Research fellow,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
119991, Moscow, Russia
e-mail: lukhovitskiy@gmail.com

Antičnaâ drevnost' i srednie veka. 2016. Vol. 44. P. 220–235

DOI 10.15826/adsv.2016.44.013

LEV LUKHOVITSKIY

HUMAN AND MIRACULOUS
IN THE LIFE OF ANTHONY KAULEAS
BY NICEPHORUS GREGORAS

Abstract: In 1340ies, Nicephorus Gregoras authored the Life of the Patriarch of Constantinople Anthony II Kauleas (*BHG* 139b) drawing on the 10-century Life and Praise by Nicephorus the Philosopher (*BHG* 139). Rewriting this source Gregoras took liberty of freeing the biographical part of his narrative from supernatural elements and at the same time enriched the saint's story, first, with pseudo-scientific asides on the ways the human mind works, and second, with insights into the hero's emotional life. As a result, the holy man portrayed by Gregoras was more human and more close to the reader than that of the earlier version.

Keywords: Nicephorus Gregoras, Anthony Kauleas, hagiography, *metaphrasis*, Palaeologan period, Patriarchate of Constantinople, *topoi*

LITERATURE CITED

BEYER, H.-V. "Eine Chronologie der Lebensgeschichte des Nikephoros Gregoras". In *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 27 (1978). S. 127–155.

CANER, D. F. (Ed.). *History and hagiography from the late antique Sinai: including translations of Pseudo-Nilus' Narrations, Ammonius' Report on the slaughter of the monks of Sinai and Rhaithou, and Anastasius of Sinai's Tales of the Sinai fathers*. Liverpool, 2010. (Translated Texts for Historians, vol. 53).

CUTLER, A., TALBOT, A.-M. "Antony II Kauleas". In *Oxford Dictionary of Byzantium*. Ed. A. Kazhdan. New York; Oxford, 1991. Vol. 3. P. 125.

- EHRHARD, A. *Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche von den Anfängen bis zum Ende des 16. Jahrhunderts*. Leipzig, 1938. 1. Teil.
- FRANCO, L. *A study of the Metaphrastic process: the case of the unpublished Passio of St. James the Persian (BHG 773) Passio of St. Plato (BHG 1551–1552) and Vita of St. Hilarion (BHG 755) by Symeon Metaphrastes*. Diss. London, 2009.
- GRUMEL, V. (Ed.). *Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople*. Paris, 1989. Vol. 1. Fasc. 2–3.
- HINTERBERGER, M. “Les Vies des Saints du XIVe siècle en tant que biographie historique: L’œuvre de Nicéphore Grégoras”. In *Les Vies des Saints à Byzance: Genre littéraire ou biographie historique? Actes du IIe colloque international philologique «Ermēneia», Paris, 6–8 juin 2002*. Éd. P. Odorico, P. A. Agapitos. Paris, 2004. P. 281–301. (Dossiers Byzantins, vol. 4).
- HINTERBERGER, M. “Hagiographische Metaphrasen: Ein möglicher Weg der Annäherung an die Literarästhetik der frühen Palaiologenzeit”. In *Imitatio – aemulatio – variatio: Akten des internationalen wissenschaftlichen Symposions zur byzantinischen Sprache und Literatur (Wien, 22. – 25. Oktober 2008)*. Ed. A. Rhoby, E. Schiffer. ien, 2010. S. 137–151.
- HINTERBERGER, M. “Byzantine hagiography and its literary genres: some critical observations”. In *Ashgate research companion to Byzantine hagiography*. Ed. S. Efthymiadis. Farnham; Burlington, 2014. Vol. 2. P. 25–60.
- HINTERBERGER, M. “The Byzantine hagiographer and his text”. In *Ashgate research companion to Byzantine hagiography*. Ed. S. Efthymiadis. Farnham; Burlington, 2014. Vol. 2. P. 211–246.
- HÖGEL, CH. *Symeon Metaphrastes: Rewriting and Canonization*. Copenhagen, 2002.
- HÖGEL, CH. “Hagiography under the Macedonians: the two Recensions of the Metaphrastic Menologion”. In *Byzantium in the Year 1000*. Ed. P. Magdalino. Leiden; Boston, 2003. P. 217–232. (Medieval Mediterranean, vol. 45).
- HÖGEL, CH. “The common narrative universe of the Metaphrastic Menologion and the story of Barlaam and Ioasaph”. In *Proceeding of the 23rd International congress of Byzantine studies, Belgrade, 22-27 August 2016: Round Table “Byzantium – a narrative in constant change”*. Ed. St. Bojanin. Belgrade, 2016. P. 19–22.
- IVANOV, S. A. “L’âge d’or d’hagiographie Byzantine: Introduction”. In *Proceedings of the 23rd International congress of Byzantine studies, Belgrade, 22-27 August, 2016: Plenary papers*. Belgrade, 2016. Ed. S. Marjanović-Dušanić. P. 1–11.
- KOTZABASSI, S. *Das hagiographische Dossier der heiligen Theodosia von Konstantinopel: Einleitung, Edition, Kommentar*. Berlin; New York, 2009. (Byzantinisches Archiv, Bd. 21).
- KRAUSMÜLLER, D. “Fainting fits and their causes: a topos in two Middle Byzantine metaphraseis by Nicetas the Paphlagonian and Nicephorus Ouranos”. In *Gouden hoorn* 9 (2001–2002). P. 4–12.
- KURTZ, E. “Zwei Griechische Texte über die Heilige Theophano, die Gemahlin Kaisers Leo VI”. In *Zapiski Imperatorskoj akademii nauk po istoriko-filologicheskomu otdeleniju* 3 (1898). S. 1–75.

- LEONE, P. L. M. "L'Encomium in patriarcham Antonium II Cauleam del filosofo e retore Niceforo". In *Orpheus: rivista di umanità classica e cristiana* 10 (1989). P. 404–429.
- LEONE, P. L. M. "La Vita Antonii Cauleae di Niceforo Gregora". In *Nicolaus: rivista di teologia ecumenico-patristica* 11 (1983). P. 3–50.
- LUKHOVITSKIY, L. "Nikephoros Gregoras' Vita of St. Michael the Synkellos: Rewriting Techniques and Reconstruction of the Iconoclast Past in a 14th cent. Hagiographical Metaphrasis". In *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 64 (2014). P. 177–196.
- MESSIS, CH. "Fiction and/or Novelization in Byzantine Hagiography". In *Ashgate research companion to Byzantine hagiography*. Ed. S. Efthymiadis. Farnham; Burlington, 2014. Vol. 2. P. 313–341.
- NARRO, A. "The Influence of the Greek Novel on the Life and Miracles of Saint Thecla". In *Byzantinische Zeitschrift* 109 (2016). P. 73–96.
- PARASKEUOPOULOU, Ē. *To agiologiko kai omilētiko ergo tou Nikēphorou Grēgora*. Thessalonikē, 2013.
- TALBOT, A.-M. "Old wine in new bottles: the rewriting of Saints' Lives in the Palaeologan period". In *The twilight of Byzantium: aspects of cultural and religious history in the late Byzantine empire: Papers from the colloquium held at Princeton University 8-9 May 1989*. Ed. S. Ćurčić, D. Mouriki. Princeton, 1991. P. 15–26.
- TALBOT, A.-M. "Hagiography in Late Byzantium (1204–1453)". In *Ashgate research companion to Byzantine hagiography*. Ed. S. Efthymiadis. Farnham, 2011. Vol. 1. P. 173–195.

Received on 31 October, 2016